

ЖЕЛТЫЕ ДОЖДИ КОНСТАНТИНА СИМОНОВА

Вечером смотрим с дочкой «Летят журавли». Она - первый раз. Я, наверное, в десятый. Но дыхание перехватывает даже сильнее, чем раньше. Наверное, оттого, что смотрю вместе с дочкой и одновременно думаю: поймет ли? Затронет ли ее сердце этот фильм, который для нас больше, чем фильм...

Но тут - как цветной тряпкой по глазам - реклама. Дочка привыкла, терпеливо пережидает. Через минут пятнадцать - опять реклама. Опять напоминание, что идет всего лишь кино, не стоит волноваться. Все понорошку.

Потом я сбился со счета - сколько их было, веселых рекламных перебивок... И вдруг подумалось: при Симонове это было бы невозможно. Не знаю, куда бы Симонов пошел - к президенту, к министру культуры, к Папе Римскому. Может быть, и ходить куда бы не пришлось. Достаточно ему было бы просто жить, чтобы такой род подлостей не совершался в принципе.

Есть люди, одно присутствие которых удерживает общество от превращения в толпу. Пока такие люди живы - летят журавли. И беда, когда они уходят. «Нет у них. И все разрешено...»

**...Зима сорок первого года,
Как совесть, заходит ко мне.
1956 г.**

Константин Симонов был сыном русского офицера и отличался на передовой хладнокровием и смелостью. О многом говорят скупые строки из статьи о нем в энциклопедии: «Участвовал в боевых действиях на Зап. фр., на Черномор. и Сев. флотах, в Сталинграде, на Курской дуге, в Югославии...»

Всю жизнь Константин Симонов размышлял и говорил о войне, но с каждым годом все сильнее в нем было ощущение, что он что-то недоговаривает. Другой человек, написав «Жди меня», «Ты помнишь, Алеша...», «Живые и мертвые», опубликовав фронтальные дневники («Разные дни войны»), посчитал бы свой долг исполненным. Но Симонов видел в том, что написал, лишь малую толику правды о войне. Он вообще не считал себя фронтовиком, подчеркивая, что был на войне «всего-навсего корреспондентом».

Чем больше били в литавры по поводу Победы, тем чаще и болезненнее Симонов вспоминал сорок первый год. В канун двадцатилетия Победы, 28 апреля 1965 года, в статье «Уроки истории и долг писателя» Симонов напомнил: «Нельзя писать о падении Берлина, забыв о Минском шоссе сорок первого года...»

Статья была частью его полемике со скульптором Евгением Вучетичем, создавшим знаменитый мемориал на Мамеевом кургане и считавшим, что «истинная правда в том, что мы дошли до Берлина», а все остальное - лишь отдельные «случаи».

Симонов, споря с Вучетичем, думал скорее о будущем, чем о прошлом. Он с тревогой видел в оглушительных парадах и грандиозных мемориалах предвестие того шапкозакидательства, которое приведет нас через много лет в Афганистан и Чечню. Он чувствовал привкус беды там, где других распирало от гордости.

Побывав корреспондентом на вьетнамской войне в 1970 году, он написал не только «Чужого горя не бывает...», но и менее известное:

**Все пустей, все вперед, все свободней,
Все слышнее, как мины там рвут...**

Последние двадцать лет жизни Константин Михайлович работал, как целый институт военной истории. Отложив свою прозу, торопился записать солдатские исповеди, откровенно побеседовать с Жуковым, Коневым, Василевским...

Огромный труд: шесть телевизионных фильмов «Солдатские мемуары», две телепередачи по письмам-откликам на эти фильмы, полнометражная документальная лента «Шел солдат». С начала восьмидесятых эти уникальные работы ни разу не повторяли. Быть может, в нынешнем мае о них наконец-то вспомнят? И мы еще раз поймем, как важно доброе дело сделать вовремя. Ведь большинства героев этих фильмов уже нет на свете.

Вновь, с камнем памяти на шее...

1971 г.

При жизни, а еще злее - посмертно, его корили благо-



получной судьбой, шестью Сталинскими премиями, женой киноактрисой, заграничными... Говорили: «барин», «баловень», «счастливчик».

Все это было - и удачливость, и счастье, и достаток, и слава. Другого человека такое испытание медными трубами могло сломать, сделать глухим к чужой боли. Оно не прошло бесследным и для Симонова. Стремительная карьера тридцатилетнего подполковника (из фронтовых корреспондентов в кресло секретаря Союза писателей и депутата Верховного Совета) была ущербна для совести, как и любая другая карьера во все времена, но в сталинские - особенно. Она была полна компромиссов, самообмана и участия в том, что корбило душу. Но, быть может, именно внутренние терзания, их постоянство и мучительность, убергли душу от ожесточения и глухоты, заставили ощутить славу как служение, как крест. С годами помощь людям, память о людях сделались главным содержанием жизни Симонова.

Сколько сил положил Константин Михайлович на то, чтобы снять запреты с рукописей Мандельштама, Цветаевой, Булгакова, Твардовского... Спасал от закрытия Музей Маяковского и Театр на Таганке. Одним из первых публично поддержал первую публикацию Солженицына...

Когда в 1965 году ему исполнилось пятьдесят, он выступил в конце юбилейного вечера со словами, поразившими тогда всех, кто был в зале, своей несообразностью с радостным чувством. Это была покаянная, грустная речь. «Теперь я думаю только так, - сказал он, - и только так хочу жить».

Симонову оставалось четырнадцать неполных лет жизни. Пожалуй, эти годы были самыми трудными в его судьбе. По обычной житейской логике, писатель, счастливо достигший и официального, и народного признания, мог бы со спокойным сердцем сидеть на даче, поучать молодых. А Симонов жил так, будто торопился скорее раздать себя.

Дажеписание мемуаров, занятие обычно тихое и приятное для автора, он превратил, по словам историка академика Самсонова, в «княжескую работу». Воспоминания «Глазами человека моего поколения» были продиктованы в феврале-апреле 1979 года.

Дочь писателя Мария Симонова вспоминает: «Физически он умер от недостатка кислорода, а в более широком смысле - ему не хватило воздуха, и он задохнулся от непонимания. Он надиктовывал на диктофон в больничной

палате перед смертью - хрипя, кашляя и задыхаясь - свое страданное понимание истории...»

Сколько в последние десять лет говорили о покаянии, а покаялся в нашей литературе, кажется, один человек - Симонов. И без всякой перестройки, без игры на публику. То был внутренний суд, сокрушение сердца.

28 августа 1979 года Игорь Дедков, один из самых совестливых русских критиков, записал в дневнике: «Только что, сейчас, сию минуту «Голос Америки» около одиннадцати вечера передал сообщение о смерти К.Симонова. Мы же слушали программу «Время», и там не было сказано ни слова. Вот так - из чужих уст - узнали эту горькую новость. Константину Симонову нужно отдать должное: его развитие в послесталинские годы отмечено благородством...»

Его бы, наверное, похоронили на Новодевичьем. Но согласно своему завещанию, как по повестке, Симонов ушел под Могилев - будто вернулся на фронт. Сын Алеша развеял прах отца на Буйническом поле. Это поле описано в «Живых и мертвых». О нем Симонов писал: «У меня есть кусок земли, который мне вовек не забыть, - вот это поле под Могилевом, где я впервые видел, в июле сорок первого, как наши сожгли тридцать девять немецких танков...»

В школах и сейчас задают детям выучить какие-нибудь стихи к 9 Мая. Учителя говорят, что чаще всего дети выбирают «Жди меня». Почему? «Их учить не надо, они так запоминаются...»

А может, они не запоминаются, а вспоминаются? Может, эти строчки просто в составе крови у наших детей?

**Жди меня, и я вернусь.
Только очень жди.
Жди, когда наведут грусть
Желтые дожди.**

Редактор и даже друзья просили Симонова исправить строчку про «желтые дожди». Они говорили, что дожди желтыми не бывают. Симонов слушал, но заменить на «синие» или «долгие» не соглашался.

...Тем августовским вечером мы, студенты журфака, возвращались с лукового поля в деревню Подгорную. Первый трудовой семестр, первый шок от кровавых мозолей, простоты нравов и оторванности от цивилизации. Радио и телевизора нет, прессы тоже, и баня раз в неделю.

На пыльной дороге поднимаю клочок газеты. Так я узнал, что умер Симонов.

А потом нас перебросили на картошку. И пошли дожди. Совершенно желтые.

Дмитрий ШЕВАРОВ.